

Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры ¹⁾.

I

Послѣ боя.

Штилѣло. На небѣ не было видно ни единого облачка. Солнце стояло высоко надъ головой; палящіе лучи его ослѣпляли глаза и нагрѣвали догоряча темную поверхность бортовъ, трубъ и другихъ, окрашенныхъ въ боевую краску, частей крейсера.

Эта теплота, этотъ жаръ передавались во внутреннія помѣщенія, но въ нихъ еще возможно было бы дышать, если бы и туда не проникалъ тяжелый смрадный запахъ съ верхней палубы: подъ вліяніемъ лучей солнца, трупы убитыхъ, кровь отъ раненыхъ, начали быстро разлагаться, и испаренія, исходящія отъ нихъ, становились опасными для большого количества раненыхъ, находившихся въ нижнихъ палубахъ—могло произойти у нихъ зараженіе крови и прибавились бы къ числу погибшихъ во славу русскаго оружія еще ненужныя жертвы.

И какъ только скрылись изъ вида японскіе крейсера, какъ только, послѣ горячки боя, почувствовали этотъ запахъ, тотчасъ же приняли рѣшительныя мѣры къ парализованію вреднаго его вліянія.

Шланги, черезъ которые во время боя непрерывно била струя воды и которыя употреблялись лишь для тушенія пожаровъ, теперь были направлены на борта, на палубу; даже на боевой марсѣ хотѣли поднять самый длинный шлангъ, чтобы тамъ обмыть внутренность его, вѣроятно забрызганную кровью и запачканную останками человѣческихъ тѣлъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, Январь 1914 г.

сообщить батюшкѣ о готовности къ погребенію, а въ машину за колостниками.

Нѣсколько оставшихся въ живыхъ матросовъ - пѣвчихъ, оставшіеся въ цѣлыхъ офицеры и свободная команда окружили батюшку и прослушали короткое молитвословіе; затѣмъ у выхода къ правому трапу поставили наклонно двѣ широкихъ доски, прикрѣпили ихъ къ сѣткамъ и подъ пѣніе „со святыми упокой“ стали спускать въ море убитыхъ воиновъ, обернутыхъ по двое въ койкѣ съ привязанными къ нимъ колостниками.

Печально было пѣніе; истово крестились присутствующіе, безмолвно слѣдя за падающими за бортъ длинными тучами и черезъ секунду исчезающими въ тысячесаженой глубинѣ Японскаго моря; каждый думалъ, что и ему грозила въ этотъ день та же участь, но не казалась эта смерть тяжелой, а тяжела была обстановка погребенія въ глубинѣ чуждаго моря, гдѣ уже никому не найти могилу погибшаго близкаго.

Но еще больнѣе становилось за тѣхъ двухъ убитыхъ, трупы которыхъ вслѣдствіе плохой привязки колостниковъ, выскользнули изъ охватывавшихъ ихъ штертовъ и всплыли на поверхность воды—достанутся они на добычу кровожаднымъ акуламъ; а такой ли посмертной судьбы они заслужили?!... „Вяжите колостники крѣпче“. „Аккуратнѣе, братцы“—послышались тихіе возгласы, звучавшіе горькой укоривной, и подобныхъ случаевъ больше не повторилось.

Къ часу дня верхняя палуба, борта, помѣщенія, гдѣ были раненые—все было основательно вымыто и разбитые и боемъ, и наступившей томительной жарой, свободные офицеры и команда могли бы, казалось, отдохнуть, но не всѣмъ была дана эта возможность и не всякій захотѣлъ ею воспользоваться: на крейсерѣ находилось двѣсти раненыхъ, за которыми былъ необходимъ уходъ.

Два доктора, батюшка, два фельдшера и санитары, не покладая рукъ, работали во время боя: одинъ за другимъ являлись раненые, перевязывались, уходили наверхъ; иныхъ приносили на носилкахъ и доктора дѣлали серьезныя операціи, благодаря искусному выполненію которыхъ, сохранилась жизнь бойцовъ; приносили безнадежныхъ, и принимали они отъ батюшки на перевязочномъ пунктѣ послѣднія напутствія въ жизнь вѣчную.

Пять часовъ непрерывнаго напряженнаго труда измучили достойныхъ врачей, а послѣ боя вновь стали являться разсыльные отъ офицеровъ, призывавшихъ ихъ къ тяжело раненымъ, размѣщенныхъ уже по разнымъ свободнымъ частямъ

крейсера, — раньше всѣхъ тяжело раненыхъ клали въ жилой палубѣ на сѣткахъ для большихъ чемодановъ, но царившая тамъ духота конечно не могла быть полезна и, лишь бой былъ конченъ, ихъ вытащили изъ этого относительно безопаснаго мѣста. И врачи работали и работали.

— „Батюшка, Васъ въ лазаретъ требуютъ, старшій минный офицеръ кончается“, — войдя въ каютъ-компанію, доложилъ въ-стовой, гдѣ дородный батюшка, изнемогая отъ жары, пилъ, противъ обыкновенія, теплую воду, такъ какъ офицерами было рѣшено весь запасъ холодныхъ минеральныхъ водъ, льда и вина отпускать изъ буфета лишь для раненыхъ чиновъ крейсера.

Забѣжавъ за необходимыми для требы принадлежностями, батюшка и старшій лейтенантъ направились въ лазаретъ, куда были перенесены, въ виду малаго количества, лишь исключительно трудные раненые: на грубоватомъ, но чистомъ бѣльѣ лазаретной койки лежалъ блѣдный, какъ полотно, офицеръ.

Потухающимъ взоромъ встрѣчалъ онъ подходящаго батюшку, но и въ нихъ чувствовалась еще жажда жизни; мало общительный, замкнутый, привязанный къ своей молодой женѣ и ребенку, преданный службѣ, въ тотъ моментъ, когда ему врачи дѣлали первую перевязку, понялъ онъ изъ ряда мелкихъ замѣчаній, что положеніе его тяжелое, и вырвался горькій крикъ у этого молчаливаго человѣка: „спасите меня, я жить хочу“.

Послѣднія минуты подходили, къ холодѣющимъ губамъ поднесенъ крестъ, и... не стало еще одного славнаго участника боя.

— „Батюшка, офицерскій буфетчикъ кончается“, — докладываетъ о новой жертвѣ боя назначенный къ присмотру за ранеными санитаръ, и къ вечеру еще нѣсколько труповъ были опущены въ безстрастныя воды Японскаго моря.

Наступила теплая, звѣздная ночь: въ нижнихъ палубахъ было все еще жарко и большинство команды помѣстилось на открытомъ воздухѣ на верху и тихо, точно боясь потревожить вѣчный сонъ погибшихъ товарищей, вела она о нихъ бесѣду, передавала другъ другу впечатлѣнія боя и дѣлала предположенія о судьбѣ Портъ-Артурской эскадры.

Раненые были размѣщены въ 8-хъ мѣстахъ: самые трудные были положены въ лазаретъ, который остался цѣлехонькимъ, хотя вокругъ него въ кондукторскихъ каютахъ царило полное разрушеніе. Другая часть, тоже трудная лежала въ батарейной палубѣ подъ образомъ, въ деревянную раму котораго попало не мало осколковъ; третьи помѣщались въ адмиральскомъ помѣщеніи. Еще нѣсколько человѣкъ лежало на сѣткахъ изъ-подъ

большихъ чемодановъ—это были тѣ, переноска которыхъ могла бы сильно повредить ихъ здоровью.

Понятно, что при необходимости расположить такъ раненыхъ, медицинскій персоналъ съ ногъ сбился, бѣгая съ трапа на трапъ и изъ палубы въ палубу,—вотъ старшій врачъ, въ очкахъ съ сосредоточеннымъ видомъ, идетъ изъ кондукторской каюты и, встрѣтаясь съ старшимъ лейтенантомъ, озабоченнымъ тономъ говоритъ: „Егоръ Федотычъ (такъ звали артиллерійскаго кондуктора) очень плохъ, боюсь, что будетъ зараженіе крови“.

— Что вы, вѣдь вчера онъ до конца боя на одной ногѣ, съ половой щеткой подмышкой, выфондыривалъ.

— Вотъ это-то и повредило ему; приму все мѣры, чтобы вызволить этого молодчинницу; температура-то у него свыше 40°.

— А есть еще трудные раненые?

— И не говорите, еще пятокъ находится между жизнью и смертью, а сколько еще можетъ быть осложненій; да и вы-то что съ хромой ногой бѣгаете?

— Это пустое, а вы, поди, и не отдыхали.

— Нѣтъ, но дѣлаю послѣдній обходъ и потомъ подзасну до утра, надо все-таки сохранить свѣжее соображеніе, а то можно напортить, младшій врачъ пободрствуетъ.

— Ну, спокойной ночи.—И старшій лейтенантъ заковылялъ по палубамъ.

Подъ образомъ рядъ тяжело раненыхъ: перемучившись уже сутки, лежали они съ истомленными лицами, и выраженіе на нихъ боли смѣнилось терпѣливымъ напряженіемъ. Каждый старался не двигаться, чтобы не тревожить раны.

Около одного изъ нихъ, татарина, ровно дышащаго съ великолѣпнымъ румянцемъ на щекахъ, безъ признаковъ какихъ-либо наружныхъ поврежденій, сидитъ его товарищъ и всячески ублажаетъ своего земляка, но кажущійся на видъ здоровымъ, вотъ ужъ 18-ть часовъ не издалъ раненый ни одного звука; тщетно доктора и фельдшеръ старались привести его въ чувство: найденный въ кочныхъ сѣткахъ, куда онъ былъ отброшенъ взрывомъ и получивъ контузію, подобную находившемуся на марсѣ, этотъ матросъ къ утру другого дня тихо скончался, такъ и не отвѣтивъ своему земляку, за нимъ ухаживавшему и лопотавшему что-то на своемъ татарскомъ языкѣ.

Около другого, водолаза, сидѣлъ его старшина: съ осторожностью, доступной его рукамъ, легко поднимавшимъ десять пудовъ, старался онъ перекидывать шестипудовое тѣло своего не менѣе солиднаго подчиненнаго; раненый былъ очень гру-

стенъ, такъ какъ полученная рана была мучительна и калѣчила его на всю жизнь и въ то время, когда уже служить оставалось послѣдній годъ, но подъ вліяніемъ спокойныхъ, ласковыхъ, вдругъ нашедшихся у всегда молчаливаго старшины словъ, умиротворялось сердце его, и переходили они на тихую бесѣду о далекой родинѣ... Двое лежали совсѣмъ рядомъ: сильный жаръ безуміемъ отражался въ ихъ глазахъ, не понимали они ни словъ, обращенныхъ къ нимъ, безучастно пили подносимые приходящими разные напитки, изрѣдка стонали, но и въ этой агоніи искали они другъ у друга поддержки—пальцы рукъ ихъ сплелись и изрѣдка сжимались, какъ бы давая знать этимъ пожатіемъ, что еще бьется жизнь въ ихъ исковерканныхъ тѣлахъ. Подъ утро одинъ заснулъ тяжелымъ сномъ, а пальцы умершаго за ночь сосѣда тихонько высвободили изъ его слабой теплой руки, которая и во снѣ, казалось, не хотѣла оставить безъ поддержки товарищескую руку.

Около не особенно трудно раненаго перевязаннаго въ одномъ мѣстѣ сигнальщика лежали папиросы, стоялъ лимонадъ—доставленные изъ офицерскаго буфета, и на вопросъ старшаго лейтенанта „все ли у тебя есть“, онъ далъ положительный отвѣтъ. Каково же было удивленіе офицера, когда два мѣсяца спустя прочелъ онъ въ періодическомъ журналѣ статью одного репортера, осматривавшаго и разспрашивавшаго больныхъ въ одномъ изъ эвакуаціонныхъ госпиталей: полными буквами была написана фамилія этого сигнальщика, который жаловался на то, что послѣ боя никто не обращалъ на него вниманія, и разнесенная по всему свѣту жалоба эта бросала тѣнь на чистое имя крейсера. Возмущенный такимъ поступкомъ, лейтенантъ рассказалъ весь свой разговоръ боцману, и тотъ ему отвѣтилъ:

— Нытокъ онъ, ваше высокоблагородіе; всѣ довольны, скажемъ, а онъ непременно будетъ искать чего-нибудь дурного, а на хорошее и смотрѣть не будетъ; вотъ его къ квартирмейстеру не производили, а онъ обижался и постоянно на все скулилъ.

И, слушая боцмана, становилось офицеру обидно, что изъ какихъ-то ничтожныхъ личныхъ счетовъ распускались несправедливые и невѣрные слухи о томъ, что въ дѣйствительности было налажено и къ чему было приложено много сердечной заботы.

Вотъ усердно моется въ банѣ кочегаръ, только-что смѣнившійся съ вахты, казалось бы, могъ онъ пойти спать, но быстрыми шагами идетъ онъ къ малому чемодану, переодѣвается

въ чистое рабочее и пробирается въ адмиральское помѣщеніе: одного за другимъ обходитъ онъ раненыхъ, поправляетъ скинувшіяся во время сна съ подушекъ головы, даетъ жаждущимъ пить; около одного долго сидитъ онъ и прислушивается къ бреду...

— Скоро кончится, — говоритъ подошедшій фельдшеръ, — сейчасъ младшій докторъ придетъ.

А кочегаръ, услышавъ это, всталъ и удалился.

Черезъ нѣсколько минутъ возвращается онъ съ батюшкой, провожаетъ крестнымъ знаменіемъ послѣдній вздохъ умирающаго, помогаетъ вынести его тѣло наверхъ и вновь идетъ ухаживать за страждущими.

Здоровье командира, вслѣдствіе громаднаго количества полученныхъ имъ раненій, также ухудшилось, но врачи считали, что въ обстановкѣ, болѣе отвѣчающей требованіямъ гигиены, оно быстро возстановится.

Въ каютъ-компаніи, столь уютной до войны, когда она состояла изъ столовой и гостиной, столь чистенькой, и обширной до боя, когда вся мягкая мебель была изъ нея убрана — теперь царитъ хаосъ: двумя снарядами, взорвавшимися въ ней, были разломаны находившіеся столы и стулья, давленіемъ газовъ исковеркало рельсы отъ подачи минъ, вдавило и сломало легкую плиссованную обшивку переборокъ; все испорченное было сложено на лѣвой сторонѣ каютъ-компаніи, а правая была предоставлена для оставшихся въ цѣлыхъ офицеровъ.

Въ большомъ креслѣ съ закинутой наверхъ головой сидитъ старшій штурманъ: большой осколокъ, проникнувшій въ глубину шеи, не даетъ возможности сдѣлать хоть какое-нибудь безболѣзненное движеніе головой; около него суетятся пріятель механикъ и вѣстовой, стремясь облегчить его страданія, тѣмъ болѣе, что благодаря еще поврежденіямъ въ двухъ мѣстахъ руки, самъ раненый не имѣетъ силы самостоятельно передвигаться.

Другіе офицеры ранены относительно легко, и мало-по-малу проходятъ угнетенное настроеніе послѣ похоронъ жертвъ боя, и то и дѣло слышны обычныя шутки и подтруниванія.

А главный раненый? А милый грозный крейсеръ!? На немъ больше, чѣмъ на комъ-нибудь, слѣдовъ вражескихъ ударовъ, а онъ рѣжетъ своимъ могучимъ тараномъ легкія ночныя волны и также стремится на свой перевязочный пунктъ — въ порты!

Надо ему задѣлать нѣсколько пробойнъ въ борту — громадныхъ пробойнъ, въ которыя можетъ проходить телѣга; надо

ему закрыть новыми досками пробитую во многихъ мѣстахъ верхнюю палубу, исправить шлюпки, которыя потерявъ отъ взрыва свои кормы, предохранили палубу отъ паденія непріятельскихъ снарядовъ; надо заплатать исковерканныя снарядами или изрѣшеченныя осколками дымовыя трубы, наконецъ надо принять новый 400-хъ пудовый правый якорь, такъ какъ отъ бывшаго остался одинъ штокъ: большой непріятельскій снарядъ, попавъ въ него, откололъ веретено съ лапами, и не будучи уже въ состояніи проникнуть внутрь корабля, гдѣ бы онъ надѣлалъ хлопотъ, взорвался внаружи и не причинилъ никакого вреда.

Раны эти были легкія, поверхностныя, — страшныя на видъ, но не опасныя для боевой мощи корабля.

Были у крейсера и другія раны, незамѣтныя для незнакомаго съ боевымъ дѣломъ глаза, но понятныя и опасныя для спеціалиста: больше половины на видъ исправныхъ пушекъ не могло дѣйствовать, было испорчено нѣсколько элеваторовъ, которые по ошибкѣ со стороны строителей не были бронированы, пострадали нѣкоторые мелкіе механизмы и отсѣвки пожарной магистрали, но машина и котлы, этотъ желудокъ крейсера, помѣщенные въ глубинѣ, защищенные броней и угольными ямами, были въ исправности и легко несли крейсеръ къ роднымъ берегамъ.

Еще прошелъ день, и къ вечеру на горизонтѣ показались берега острова Русскій, а къ полночи къ крейсерамъ подошли сторожевыя миноносцы и съ полученными приказаніями адмирала пошли въ Золотой Рогъ, гдѣ портовое начальство озаботилось присылкой баржъ и пароходовъ для пріемки раненыхъ и своза ихъ въ госпиталь.

Славлевъ.

